

The background of the page is a painting. On the left, a large, dark tree trunk rises from the bottom, its branches spreading upwards. The foliage is dense and green. In the foreground, a body of water reflects the sky and the surrounding greenery. Two cows are standing in the water, and another is visible in the background. The overall scene is a peaceful, natural landscape.

Любовь Бортник

**Ягуар,
или Тот, кто
живёт один**

Любовь Бортник

Ягуар, или Тот, кто живёт один

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439073

ISBN 9785449383273

Аннотация

Некогда в Америке жили индейцы. Многие факты о них уже канули в Лету. История Ягуара – это история храброго и противоречивого индейца племени гуронов. Остановит ли он кровопролитные войны не только с бледнолицыми, но и с другими племенами индейцев? Сможет ли герой найти своё счастье? Смирится ли он с судьбой или сам будет строить свою жизнь?

Содержание

Часть I	5
Глава I	5
Глава II	15
Глава III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ягуар, или Тот, кто живёт один

Любовь Бортник

© Любовь Бортник, 2019

ISBN 978-5-4493-8327-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава I

Северная Америка. 1649 год. В краю Великих Озёр тогда было, скажем, беспокойное время, если нельзя сказать, самое беспокойное время за прошедший период жизни коренных американцев. Уже несколько десятилетий враждующие между собой ирокезы и гуроны не могли прийти к мирному соглашению, хотя, возможно, и не хотели к нему приходить, ведь для каждого племени отстаивать свою территорию было не только долгом, но и честью. Ирокезы начали воевать с гуронами ещё до начала Бобровых войн, которые оказали существенное влияние на жизнь индейцев того региона в целом и предзнаменовали новый виток в торговых отношениях европейцев и коренных американцев. Так, ирокезско-гуронская война продолжалась много десятилетий, пока не наступил переломный момент. Когда 17 век приближался к экватору, в местах, полных бобрами и другими, менее ценными пушными зверьми, царил союз 6 племён – родственные племена мохоки, онейды, сенеки, кайюги, онондаги и, присоединившиеся позже, тускароры. Конечно читателю, возможно, будет сложно запомнить названия всех 6 племён, для этого, видимо, и существовало общее название со-

юза- ирокезы. Их также называли макуасами или мингами. Враждовавшие долгое время с гуронами, ирокезы, а они были далеко не мягкотелым народом, нажили себе множество врагов, и перед началом Бобровых войн к ним, помимо гуранов, относились уже и ленапы, в большинстве своём состоящие из делаваров и могижан. Последние также подверглись нападению со стороны ирокезов и были вытеснены со своих земель. В те времена артерией союза 6 племён было племя онейда, которое со своим вождём Аскуном, или как называли его многие – Змеёй, в 1649 году и заставили могижан сдать свои земли. В то время большинство сражений было причиной нежелания делить территории, на которых добывалось большинство пушнины, которая продавалась европейцам. Но до начала этих конфликтов ирокезы нанесли весьма ожидаемый визит гуронам, которые в большинстве своём обитали на берегах озера Гурон. Мы будем называть водоёмы и поселения так, как их называют сейчас, чтобы читателю было проще понять, о чём идёт речь. Перенесёмся на 9—10 лет назад. Онейды же жили на берегах Онтарио, однако некоторая часть гуронских, деревень перебираясь с Гурона к истокам реки Святого Лаврентия, остановилась на Онтарио, не успев преодолеть трудный и долгий путь. Так, между онейдами и частью вайандотов лежало всего несколько километров, и путь к гуронам заслонял только массивный лес, который не был проблемой для опытных воинов, да весьма проходимые болота. Тогда вождь Аскун вместе со своими во-

инами решили сделать вылазку во вражескую деревню. Когда солнце только начало заливать вершины гор, а в низовьях еще гулял лёгкий туман, Аскун вышел из своей хижины и осмотрелся вокруг. На небольшом холмике, который был своеобразным постом, стоял караульный. Аскун сделал несколько жестов в его сторону, и молодой ирокез выудил из себя мрачные и неуклюжие звуки, подражавшие крику гагары. Это был своеобразный зов, и, хоть звуки, которые издал часовой, были не очень то похожи на гагару, привычные к голосу своего караульного воины через несколько секунд вышли из своих жилищ и уже направлялись в сторону своего вождя. Так как они разговаривали на ирокезском наречии, которое было бы не понятно читателю, мы будем передавать суть всех разговоров на родном нам языке. Воины шли не спеша, и было видно, что к этой встрече с вождём они были готовы заранее. Аскун сделал одобрителный жест в сторону молодого воина, глядя на его томагавк.

– Это хорошее оружие, - произнес Аскун, и жестом попросил молодого человека дать топор, что бы лучше его рассмотреть. Воин подчинился, и Аскун, взяв томагавк, стал рассматривать его очень тщательно. Оружие действительно было прекрасным, ручка топора была разукрашена черными полосами, вперемешку с красными, а на верху, над самым лезвием, висело 2 черно-белых пера, что означало участие в победном бою.

– Это хорошее оружие, – повторил Аскун после долгого

изучения топора, -молодой воин уже видел кровь, и значит сегодня не побоится снять скальп с гурона. С этими словами он отдал томагавк юноше и, дождавшись когда все его соплеменники, которые были в состоянии воевать, собрались в целостный отряд, издал боевой клич. В это же мгновение весь лес был оглушён этим зовом, и казалось, даже все жившие в нём создания, уже знали, чем знаменуется этот клич. Солнце уже озарило горы, и воины двинулись в путь. Им предстояло пройти около 6 километров через лес, и чуть больше по берегу озера. Но так как враги были недалеко, а отряд Аскуна был весьма многочислен, около 300 ирокезов, нужно было двигаться как можно тише, не привлекая к себе внимания. Вождь шел впереди отряда. Его называли Змеёй не только белые, но и практически все индейцы, как враги, так и соратники, и называли не зря. Подобно змее он мог пройти по любой тропе, не оставив ни единого следа. Он передвигался так бесшумно, что даже если бы деревья вдруг замолчали и ветер покинул эти края, а всё живое, что могло дышать и издавать какие-либо звуки, в мгновение омертвело, даже тогда бы, никто не услышал бы шагов Аскуна, настолько он был осторожен, но в тоже время проворен. Он был по-настоящему атлетически сложен, а его богатырский рост в совокупности с силой, давали ему огромное преимущество в рукопашной схватке. Его тело было разукрашено боевой раскраской, которая, если даже смотреть издалека, сразу говорила о намерениях её носителя. На голове красо-

валась скальповая прядь, которую по обыкновению носили ирокезы, часть волос была заплетена в косу, а у основания пряди, привязанный жгутом, висел целый пучок орлиных перьев разных расцветок, которые сразу говорили и о заслуге воина, и о его храбрости, и о величии. В этих местах царил тепло, и воинам не нужно было обременять себя меховыми плащами. Привычные к утренним холодам, они спокойно передвигались в леггинсах, или лишь в набедренной повязке, а на ногах, как и у всех индейцев, у них были мокасины, которые помогали им не создавать шума при ходьбе.

Когда солнце уже полностью озарило долину, где было пристанище ирокезов, отряд Аскуна уже добрался до деревни гуронов. Они не спешили нападать. Вождь подозревал к себе шестерых воинов, по-видимому они были лучшими в своём деле и пользовались уважением предводителя. -Если у храбрых воинов есть предложения, они могут говорить, - сказал вождь и жестом показал, что мужчины могут выдвинуть свои идеи на счёт атаки и дальнейших действий, и дал полную свободу слова. -Мы можем разделиться, одна часть нападёт с тыла, другая отсюда, мы загоним их в ловушку, -проговорил один из воинов. -Лучше окружить их и отрезать все пути, по которым они смогли бы уйти, -перебил его другой. Аскун молчал, раздумывая над словами соратников. —У воинов есть еще предложения? -Да вождь. Приготовим лук и стрелы. Быстро разведём небольшой костёр, и пустим стрелы с огнём. А после сразу атакуем. Сожжём де-

ревню. Кто попытается спастись, убьём нашими томагавками, -сказал молодой юноша, с таким воодушевлением поднявший свой разукрашенный томагавк вверх. -Твоё оружие говорит, что ты храбр, после победы мы будем называть тебя Этейхай-Острый томагавк. Вождь одобрил предложение юного ирокеза, чья храбрость и хитрость смягчила его твёрдый и голодный до крови взгляд. Приготовления к атаке заняли несколько минут, и воины уже были наготове, оставалось ждать приказа вождя. Пристанище было весьма многочисленно – около 280 гуронов остановились в этих краях. В деревне было спокойно, дети шныряли из хижины в хижину, мужчины осматривали своё оружие, и вряд ли кто-то ждал нападения. В центре деревне стояла хижина, по виду больше напоминавшая ирокезскую овачиру. В этом жилище, по-видимому, жил вождь гурунов и его семья. Из хижины поспешно вышел совсем юный паренёк, за ним выбежала маленькая девочка, а следом их мать, что-то кричавшая парню. После попыток вернуть мальчика домой в защищённое место, и видя, что юноша не собирается повиноваться, женщина позвала девочку и ушла обратно в жилище. Мальчишка, лет 12 отроду, а звали его Науэль, что значило Ягуар, направился в сторону хижины, внутри которой, и снаружи, находились мужчины. Он с осторожностью пробирался ближе и ближе к ним, чтобы понаблюдать и послушать о военном деле. Он практически ничего не расслышал, в тот момент весь лес заревел жутким воплем, от которого

Науэль остолбенел. Он знал, как звучит боевой клич ирокезов. С 6 лет его брали в различные походы и вылазки, в свои 12 на его счету было несколько убитых мингов. Но в силу возраста, он был ещё ребёнком, и конечно в его душе ещё жил страх, хоть и отвага иногда брала верх над ним. Мужчины вскочили со своих мест, похватали оружие, в то время как из леса полетели огненные стрелы. Они попадали то в землю, то в хижины, то в бегающих в страхе людей. Одна стрела попала в оружейную хижину, где находился настоящий клад, настоящее сокровище гуронов – небольшой бочонок с порохом, который им отдали голландцы взамен 2—3 рулонов пушнины. Порох загорелся и взорвался, осколки орудий разлетелись в разные стороны, зацепив какого-то молодого, но храброго гурона, который намеревался начать атаку в лес, но не сумел осуществить свой план. Через несколько минут вся деревня была в огне, огонь перекинулся и на хижину вождя, откуда выбежали женщина с ребёнком на руках, маленькая девочка, и двое мужчин. В это время ирокезы начали свою атаку вооружившись томагавками. Они выбежали с нескольких сторон, окружив пылающую деревню, не давая гуронам шансов на спасение. Науэль стал звать мать, искать её и своих братьев и сестру. Он побежал в сторону своего горящего жилища, но столкнулся с кем-то. Быстро очнувшись от столкновения, он побежал дальше, но увидел, что его мать уже лежит на земле со снятым скальпом и с томагавком в спине, а его совсем маленький брат, под ней. Он под-

бежал к ним, но они не выказали никаких признаков жизни. Ирокезы носились из одного края деревни в другой, перерубая черепа каждому, кто встретится на пути, и если бы не пожар, долина, где жили гуроны, наполнилась бы кровью, как бокал знатного помещика вином. Науэль не даром звали Ягуаром, он был таким же свирепым, но только когда это было нужно. Он вытащил томагавк из тела матери, и хотел дать бой мингам, но кто-то схватил его за плечо. — Отец! — Науэль, недалеко от старой сосны, где мы недавно рыбачили с тобой, лежит большой сухой дуб, в нём пирога. Беги туда, возьми пирогу, когда проплывёшь 500—600 метров начни брать на восток, потом увидишь возвышающуюся скалу, сделай в пироге пробоину и пусти по течению, а сам доплыви до берега и доберись до скалы, в ней есть пещера, там ты будешь в безопасности. — Но отец! Мать, сестра и братья! — Нас уже не спасти, беги сын, и сбереги честь нашего народа. Беги! Науэль не мог не повиноваться вождю, тем более в нём всё ещё была, хоть и маленькая, но доля страха и страдания, от чего он был бы не так силен в схватке. Он был не большого роста и худеньким, несмотря на то что большая часть храбрости его покинула, он всё же был очень проворным и хитрым, и сумел вырваться из вражеского окружения. С томагавком в руках, он добрался до места, где должна была быть пирога. После недолгих поисков он нашел средство для плавания и через несколько минут уже делал гребки восточнее места своего отплытия. Пару раз, пока Науэль плыл, он обо-

рачивался, и смотрел в сторону своей деревни, откуда только шёл дым и, вскоре, донёсся победный клич ирокезов. Науэль знал, если они издали этот клич, значит они уже не будут его преследовать, так как считают, что уничтожили всех врагов в этом бою. С лица мальчика сошло напряжение, он стал грести не так активно, и отвёл глаза от воды, в которую впи-
вался взглядом последние десятки минут своего плавания. Перед ним открылась зеркальная гладь озера. Он держался недалеко от берега, и мог наблюдать, как ветви прибрежных деревьев, купаясь в воде, создавали арку, под которой спо-
койно могла проплыть пирога. Он сделал несколько ловких движений, и приблизился к купающимся ветвям. Сделав себе проход, он проплыл в глубь природной арки и направился дальше. Спустя примерно час такого спокойного плавания, во время которого он то и дело выглядывал из под веток, чтобы не упустить скалу, к которой он направлялся, он на-
конец увидел вдалеке гордо возвышавшийся утёс. Вспомнив слова отца он остановился, вылез из пироги, сделал топором в судне пробоину, раздвинул ветви и пустил лодку в свобод-
ное дрейфование. У берега было не глубоко и он прошёл ещё несколько метров по воде, а потом, найдя подходящее ме-
сто, направился в лес. Пройдя в гору с километр он увидел еле заметную тропку, которая вела прямо к скале. Было вид-
но, что по этой тропе ступали много раз, но было это дав-
но. Науэль добрался до скалы и обнаружил, как отец и го-
ворил, пещеру. День близился к концу и юноше необходи-

мо было где-то отдохнуть и собраться с мыслями. Он собрал немного валявшихся по близости веток и оборудовал в пещере себе постель. Вход пещеры уже не озарялся солнцем, так как оно начало садиться, а светло было внутри только в полдень, а когда солнце заходило, оно оказывалось позади пещеры, что давало мальчику небольшое преимущество. Если вдруг минги будут преследовать его по озеру, они, даже в ярких солнечных лучах, не заметят пещеры, а так как с лесной стороны солнца к вечеру уже не было, то и заметить вход в скалу было бы сложно, нужно было бы специально останавливаться и сходить на берег, пробираться сквозь лес, а так как скала находилась выше уровня воды в озере метров на 15, обитатель убежища заметил бы приближающуюся опасность. В общем, вождь гуронов знал, что говорил, и обеспечил своему сыну безопасное ближайшее будущее.

Глава II

Вернувшись в своё становище вождь Аскун собрал весь народ, чтобы продемонстрировать успехи своих воинов. Пройдя в центр долины, Аскун воткнул в землю длинный тонкий кол, на котором висело 6—7 скальпов. В те времена у ирокезов это действо было самое почитаемое — воин демонстрировал скальпы врагов, бессловесно говоря о победе и о своей храбрости. Вся долина взорвалась радостным, но жутким воплем, означавшим победу над гурунами. — Во времена, когда все ирокезские племена жили в разных землях, и даже тогда, когда еще не было союза наших племён, наши предки воевали за свою честь и жизнь, они храбро сражались с делаварами и могиканами. Позже, когда гурунские собаки осмелились оставить след своего мокасины на землях ирокезов, солнце для них перестало светить так ярко, как для нас. Вождь начал углубляться в историю сражений своего народа, вспоминал о великих победах, о том, какими отважными были их предки. Впрочем, как всегда бывало в таких случаях, после яркой победы над каким-либо врагом, индейцы начинали вспоминать всю историю своего народа. Наконец Змея подошёл к рассказу о делах недавно минувших. — Когда мы подошли к пристанищу врагов, мало кто осмелился высказать свои идеи. Но этот мальчик, — а он указал на упомянутого нами ранее юного иро-

кеза с цветным томагавком, -этот мальчик проявил не только храбрость, но и отвагу. Если бы великий Антинэнко-Орёл Солнца-вождь вождей, был среди нас во время битвы, он бы сразу наградил этого юношу своим солнечным пером. Но он был далеко в небе, подобно орлу и солнцу, парил, защищая нас. И он подсказал мне, как мы можем наградить этого смелого молодого воина. Мы будем звать тебя Этейхай-Острый томагавк. Произнеся радостный зов, вся долина заразилась этим весёлым событием. Практически всех детей и юношей этого племени называли Нойнун, но после какого-то выдающегося достижения в битве, их нарекали новым именем, которое говорило об их заслугах. С этим именем они уже и шли дальше по жизни. Ещё несколько часов в племени стоял шум и гвалт, у костра танцевали победные танцы, некоторые воины рассказывали подробности боя, ничуть не приукрашивая события. Наступила ночь, и в деревне уже было более-менее спокойно. Так жили ирокезы несколько лет, иногда мирно, а иногда им приходилось снова браться за оружие и совершать кровопролитные набеги. Шло время, остатки гурунов, оттеснённых на север и запад, почти на казали носа во владения ирокезов. Это не спасло их, и во время эпидемии оспы в 1638 году гурунов осталось не больше 10 тысяч человек, а через почти 10 лет после поражения от ирокезов их стало в разы меньше и остатки некогда могучего племени прочно обосновались в долинах реки Святого Лаврентия. Но мир развивался, и европейцы не могли не сыг-

рать свою роль в жизни индейцев. Всё больше европейцев прибывало к берегам Великих Озёр, они даже обучали некоторых индейцев английскому или французскому языку, что благотворно сказалось на построении дальнейших торговых отношений между бледнолицыми и краснокожими. Но, перенесёмся в годы, с каких начиналось наше повествование. В 1649 году начались битвы за территории, богатые бобрами. Но так как ирокезы были не единственными, кто мог бы вести торги с европейцами, уже известное нам племя онейда, во главе с Аскуном, не раз пытались уничтожить своих главных соперников на рынке – могикан. Онейда, жившие тогда на озере Онтарио, не раз направлялись на Гурон и Мичиган с попытками разгромить могикан и прекратить их существование. Но им это долго не удавалось, пока Аскун со своим отрядом, не взялись за это дело. За время после победы над гуронами, ирокезы обзавелись гораздо более интересным оружием, чем томагавки и лук. С приходом европейцев у них в руках оказалось множество огнестрельного оружия разного типа. Ирокезы разбились на несколько отрядов – каждый отправился в положенные для зачистки места, где с каждого могиканина ирокезы должны были снять скальп. Отряд Аскуна отправился на Гурон, где к этому времени, основательно обосновалась небольшая часть могикан. В его отряде было около 150 человек, в то время как могикан было не больше 80. Через 2 часа после захода солнца Аскун собрал своё войско для того чтобы обговорить план нападения. По-

сле часа переговоров, когда все нюансы были уяснены, Аскун направился в свою хижину, что бы поговорить со своей дочерью. У Аскуна подрастала дочь Мимитех-Новая Луна, и был взрослый сын, Энэпей, что по-ирокезски значило Храбрый. Сына он брал в это трудоёмкое путешествие, он считал, что сын вождя уже должен был давно повесить на свой пояс скальп делавара и привязать к волосам орлиное перо, хоть он и был юн. После недолгого прощания Аскун и Энэпей вышли из хижины наружу, где отряд мингов уже ждал приказа и жаждал услышать клич, означающий атаку, но нужды в нём не было, так как до лагеря могикан было достаточно долго идти, и по весьма неудобному пути, и мнение, что клич будет издан, когда они увидят дым костров могикан, было разумным. В те времена бобры, живущие на берегах Онтарио, сильно пострадали. Французы, прибывшие ещё за год до чуть выше описанных событий, нуждались в мехе и шкурах, которые им поставляли ирокезы взамен на оружие и порох. И так как могикане не хотели оставаться в стороне, то они тоже начали истреблять бобров, и, за более низкую плату, продавали пушнину европейцам, что последним нравилось больше, ведь за меньшую плату они приобретали больше шкур, и это, естественно стало камнем преткновения между ирокезами и ленапами, и, возможно, отправной точкой Бобровых войн. Нежелание делиться возможностью приобретения нового и весьма ценного оружия и побудило ирокезов напасть на могикан. В ту ночь, когда Аскун со сво-

им отрядом вышел в направлении лагеря могикан, разразилась сильная буря. Отряду пришлось остановиться на ночлег прямо в лесу. Предводитель, оборудовав убежище для себя и сына, приказал всем быть начеку. -До лагеря могикан всего пара километров, а эти проворные собаки могут выйти из своих хибар даже в такое ненастье. Переждём непогоду здесь, как буря утихнет – двинемся в путь. Он отправил одного из воинов приготавливать себе укромное место и назначил часового. Проникнув к себе в укрытие, он заметил каким отрешённым был его сын. —Туча села на лицо Храброго ирокеза. Я вижу, как тебя беспокоит ненастье. —Быть может, отец, нам не стоило начинать этот поход, и сама природа препятствует нам. Или, быть может, она предупреждает нас. Несомненно, она нас предупреждает, сын мой. Она предупреждает, что дело которое мы творим, будет тяжелым, и если мы переживём сегодняшнюю ночь, поверь сын, природа наградит нас за нашу отвагу. Сегодня, мать-природа раскрывает себя перед нами, и дарует милость, чтобы мы смогли отдохнуть. Она благосклонна к храбрым воинам. Но если юный ирокез боится могикан... -Нет отец, я боюсь что нас настигнет кара за наши деяния. -Кара... Наслушался миссионеров, которые свою трусость и слабость прячут за верой. Такие мысли не достойны ирокеза. Ты огорчил меня сегодня, сын. С этими словами он отвернулся от сына и начал готовится ко сну, жестом показав Энэпею, что тот тоже должен лечь спать, и, так как он в эту ночь подверг свою храб-

рость сомнению, чем вогнал отца в раздумья, вождь предоставил сына самому себе и оставил его в безмолвии до самого утра. Буря утихла ещё до рассвета и, после недолгих приготовлений, отряд снова двинулся в путь. Через час с небольшим они были уже в нескольких сотен метров от пристанища могикан. Они шли осторожно, ведь в это время деревня уже не спала и мужчины могли оказаться в опасной близости от отряда. Вдруг, по лесу пробежался гулкий голос выстрела карабина, и один из мингов рухнул на землю, после чего прозвучал протяжный вой, который означал, что могикане обнаружили врагов и первыми вступили в схватку. В это время, с западной стороны леса, выбежала целая ватага индейцев, и ирокезам пришлось сбиться в один отряд. После непродолжительной тирады выстрелов, когда кучка могикан лежала лицом в листьях, и всего 2—3 индейца продолжали атаку, ирокезы рассредоточились, и часть воинов, с Аскуном во главе, двинулась на деревню. Тут же из леса выбежало несколько десятков могикан, которые сразу получили пулю в лоб, или томагавк в спину. Предоставим читателям возможность самим представить, как велась битва и какими способами были убиты могикане, так как события эти были непродолжительны. После того, как часть могикан была убита, а часть просто сдалась, несколько ирокезов собрали отряд и повели остатки могикан в места, не угрожавшие приостановлением торговых отношений с европейцами, а точнее на западные берега Гурона. После счастливой победы,

Аскун, его сын и остальные воины, что остались в живых, снова прибыли в своё родное поселение. В то продолжительное время, что отделяло победу отряда Аскуна над гурунами и победу над могиканами, остатки поражённых гурунов вели своё хозяйство на севере Верхнего озера и никаким образом не собирались вступать в конфликт с более могущественным и многочисленным племенем ирокезов. И читателю наверняка будет интересно узнать, как всё это время жил юный гурон Ягуар, которого ирокезы больше знали как Энкудэбэу, что значило «тот, кто живёт один». Когда Науэль добрался до своего спасительного убежища, макуасам уже не было дела, остался кто-то из деревни жив, или нет. Но среди ирокезов то и дело ходили истории о мальчике, а позже муже, который не принадлежал ни к какому племени, за что его и называли Энкудэбэу. Науэль, после того ужасного для него дня, провёл в ранее упомянутой пещере несколько ночей, а позже отправился в труднейший путь, и через несколько недель своего путешествия, добрался до озера Сент-Клэр, где и жил последние годы. Но дух воина никогда не покидал его, а ненависть к ирокезам с каждым годом только росла, как и он сам. Если он узнавал, что где-то по близости будет совершен набег ирокезов, он направлялся туда, как посланец мира, и помогал подавляемому племени в борьбе с противниками. Он прославился среди многих племён, но никому из тех, с кем он воевал на одной стороне, или же на противоположной, не удалось поговорить с ним и узнать его ис-

торию. Так, он оставался тёмной и страшной загадкой для всех индейцев. Несколько раз он бывал в поселении гуронов на Верхнем озере, когда те еще не были уничтожены ирокезами, сначала, что бы узнать, выжил ли кто из его родных, а потом, вместе с мужчинами помогал отстраивать новую деревню, ходил на охоту. Когда однажды он, вернувшись с охоты, а обычно после этого он берёт немного пищи и уходит в дальнейшие странствия, он решил остаться в деревне, чтобы поучаствовать в приготовлении к празднику урожая, а после и отдохнуть немного, наблюдая за удивительными процессиями во время празднования. Когда праздник был в самом разгаре, к Науэлю под села девчушка, лет 15. —Ты много добра делаешь для нас. Я слышала, как воины говорили, что ты отлично охотишься, подобно ягуару. Науэль не выказал никакого волнения или подозрения к девушке. —Мой отец один из старейшин, и он рассказывал мне о мальчике, который смог спастись от мингов, когда те напали на незащищенную деревню и сожгли её. Не бойся, я сохраню твою тайну, и открою её только если ты сам этого захочешь. -Это лишь история, Аламеда. Старики и шаманы знают много подобных. С этим словами Науэль встал со своего места и хотел было уйти, но обернулся. -А деревня была не так и незащищенна, – сказал он, и направился в сторону леса. Пройдя мимо кучки весёлых детей, он скрылся в тёмной густоте листвы. Эти места были довольно тихими и защищёнными, и молодой воин не боялся внезапного нападения врагов, но сло-

ва девушки заставили вспомнить его тот злополучный день и пережить снова ту боль утраты, и затаённая ненависть снова вылилась наружу. Он вёл достаточно спокойную по тем меркам жизнь и никогда сам на рожон не лез, хотя его оружие и сила позволили бы одержать победу в схватке с парой тройкой мингов. Он был отличного склада, ростом он немного не доставал вставшего на задние лапы разъярённого медведя, да и по силе уступал ему совсем не много. И то было дано ему самой природой, которая практически и воспитала его. Он не был, при своём росте, особо габаритен, он действительно напоминал ягуара, такой же вёрткий и пластичный, он мог, как кошка, забраться на какое-нибудь дерево и провести на нём ночь, и если опасность была бы близко, его острое зрение и воинский слух обязательно бы рассекретили врага. Все эти годы с собой он носил небольшой томагавк, тот самый, который вынул из спины матери. Но, так как он принадлежал ирокезу, а оружие у каждого племени носило какие-либо отличительные черты, ему пришлось обернуть топор куском ткани, и он никогда не использовал его в бою или на охоте, но каждый день, тогда, когда его никто не видел, а он мог бы услышать, что кто-то за ним наблюдает, он поддерживал остроту его лезвия. Тогда, когда он был ещё совсем юн и неопытен, сидя в пещере, в своём убежище, он долго смотрел на томагавк врага и однозначно для себя решил – нет прощения тому, у кого оказался скальп его матери, и когда-нибудь он отомстит грязному ирокезу.

Глава III

В 1651 году на берегах Великих озёр высадился отряд французской армии. Они заняли юго-западную часть Гурона. В этих местах было достаточно много живых бобров, и французы решились на экстремальный экономический поворот. Платить ирокезам или могиканам за шкуры они перестали, и решили, что куда выгоднее будет добывать шкуры самим. Сами ирокезы же жили тогда на берегах Онтарио, но некоторые племена расселились по берегам других озёр в силу многочисленности своего народа и нежелания оставлять богатые земли на произвол судьбы. Тогда, с юго-восточной стороны к Гурону подошла часть племени онейда и попыталась прочно обосноваться там. И конечно, так как на одном озере только на разных берегах, на одном ирокезы, которые не хотели делиться бобрами и хотели получать вознаграждения за свою работу, а на другом французы, которые в свою очередь не хотели делиться ни бобрами ни оружием, конечно стороны знали о существовании друг друга и то, что они по праву своего рождения должны были отстаивать свою правоту, не могло не привести к войне. В этот год появились предпосылки для начала Бобровых войн. В те времена, оставшиеся могикане жили на западной стороне Гурона, и французы, так как они были многочисленнее и сильнее, уговорили их присоединиться к коалиции против ироке-

зов, что бы завладеть землями и, обитавшими там, бобрами. Тогда, обескровленные после разгрома ирокезов моги-
кане верили, что сила и мощь бледнолицых наконец вернут
былую славу, честь и мощь могикан. С этого момента мо-
гикане тех краёв и французы, прибывшие туда, образовали
коалицию, которая должна была нанести удар по ирокезам
и оттеснить их в безродные и нищие, уже к тому времени,
берега Онтарио. Слух о том, что бледнолицые объединились
против ирокезов разошёлся на много километров и не обо-
шёл стороной странствующего гурона. Когда он в очередной
раз посетил деревню своего племени, которое к тому време-
ни уже было оттеснено на восток, к истокам реки Святого
Лаврентия, тогда он и узнал о планах французов, которые
ему несомненно понравились. Вся злоба, заточённая внутри
что бы выплеснуть её в подходящий момент, казалось во вот
вырвется наружу, но Науэля больше захватило сладкое пред-
вкушение мести, и он решил, во что бы то ни стало добраться
до лагеря французов и предложить им свою помощь в гря-
дущей войне. Несколько дней, 15 может 20, он шел через
лес и преодолевал бескрайние воды Онтарио, пересёк Ниа-
гару, пробирался через бескрайние леса, окружавшие Эри.
Однажды на пути ему пришлось не сладко. Он редко оста-
навливался, так как жажда мести гнала его как заведённо-
го, он не чувствовал усталости и ему не требовалось много
времени на отдых. Когда он пересекал северную часть озе-
ра Эри он встретил там неожиданных гостей. Хотя, навер-

ное, неожиданным гостем скорее был он. Он плыл на своей пироге глубокой ночью, было настолько темно, что он едва различал берега и горизонт, но луна и звезды, явно сулили ему удачу и были на его стороне. Когда ночное светило озарило озеро и стали видны очертания отвесных берегов Науэль заметил, что на озере он не один. Оглядевшись по сторонам, глубоко в лесу он заметил еле заметный трепещущийся огонёк, то был костёр. Сначала он был в замешательстве, ведь он долго не был в этих краях и не мог сразу догадаться чьё бы становище это могло быть. Он перестал грести, и, оставив вёсла, стал прислушиваться, в надежде уловить хоть какие-то звуки. К его счастью, ему повезло – он не только расслышал звуки, но и смог даже расслышать слова. -Эти бледнолицые слишком близко смотрят, они видят только свои мокасины, они глухи не замечая, как быстро шагают мокасины ирокезов. -У них нет мокасин, брат. У них белые голые ноги, которые даже когда лежат делают больше шума, чем муравей. Потом индейцы рассмеялись и завели новый разговор уже о волнующих их проблемах, явно касающихся охоты или рыбалки. Но даже той пары фраз было достаточно Науэлю что бы понять – это ирокезы. Что бы не создавать много шума вёслами ему пришлось бы пустить лодку по течению, а он как раз плыл против. Ему нужно было развернуть лодку и обогнуть небольшой остров, не больше пары километров в длину и ещё меньше в ширину, который находился напротив берега, где было становище иро-

кезов. Он начал своё незатейливое предприятие с разворота. Спустив одно весло, он аккуратно начал им разворачивать пирогу, время от времени наблюдая за индейцами, а так как было достаточно темно, и луну то и дело заволакивало тучами, он не смог точно определить в каком направлении движутся минги. Когда он наконец развернулся, он собрал вёсла и чтобы не привлечь внимания доверил её чёрной ночной озёрной воде. Он двигался со скоростью течения, а так как скорость была небольшая, он успел насладиться пейзажем и немного отдохнуть от мрачных мыслей и воспоминаний, преследовавших его большую часть пути. Когда луна высывалась из облаков, её отражение легко и непринуждённо колыхалось в зеркале воды. С права от него находился тот самый небольшой островок, с его стороны несколько раз доходили цокочущие звуки, скорее всего белки. — Видимо зверёк так же одинок как я, и скучает по своим братьям. Но можно ли обсуждать того, кто остался одинок не по своей воли, — думал Науэль, а взглянув на свёрток с вражеским орудием он погрузился в совсем печальные думы и воспоминания. — Ты сослужишь своё дело, острый друг, ты рассчитаешься за твоего создателя. Он настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как позади его, метрах в 150, плескалась вода, и было очевидно, что кто-то работает вёслами. Науэль вдруг очнулся и даже сразу не смог собраться с мыслями. Он рассчитывал на то, что минги не будут отплывать далеко от своего лагеря, но вдруг, оглядевшись, справа он

заметил еще один мерцающий огонёк, но уже более яркий, по-видимому ирокезы заняли и этот небольшой островок. Он оказался в западне. Позади плыла набирающая ход пирога, и с правой и с левой стороны были вражеские логова, из оружия у него было ружье, кинжал и томагавк, ждавший своего часа. Взяться за вёсла и умчаться вперёд минуя остров он не мог — враги бы сразу заметили такое оживленное движение и не упустили бы его из вида. Заметив, что впереди на остров падает тень от недалеко расположенного утёса, он решил положиться на судьбу. Враги были уже в опасной близости и Науэль попытался прижаться к берегу и надеялся, что минги проплывут мимо, не заметив его в тёмной полосе тени. Лодка Ягуара плыла очень медленно, в то время как ирокезы притко орудовали вёслами и были уже в 5—6 метрах от гурона. Они стали всё больше прижиматься к правому берегу, и так как оживлённо о чём то беседовали и шумно гребли вёслами, возможно они бы и не рассмотрели и не расслышали бы, что буквально в нескольких сантиметрах по воде свободно дрейфует лодка. Но когда они уже почти проплыли мимо Науэля, задняя часть их пироги слегка задела нос пироги гурона, и они резко остановились. Было темно, всё та же полоса тени застлала глаза индейцам, но так как они были с более освещённой стороны, небольшие отблески лунного света нет-нет, да и падали на их тела, и Науэль смог разглядеть их очертания. — Кто в пироге? — спросил минг, но ответа не последовало. Он повторил во-

прос. И снова тишина. — Может она пустая? Какой-нибудь делавар сошёл на берег, а пирогу пустил по течению. Тут Науэль осторожно стал доставать ружье. Зная, какие опасности его могли настигнуть, он всегда держал его заряженным, что бы не мешкать, когда придёт время защищаться. Еле улавливая очертания мингов он постарался прицелиться и выстрелил. Гулкий гром выстрела пронёсся по обоим берегам озера, и было слышно, как тело упало в воду. Науэль, быстро подпрыгнув, оказался во вражеской пироге и одним движением перерезал мингу горло, а потом и снял скальп. Он сделал всё быстро, но тянуть было нельзя. Лес уже огласился настороженным зовом и остальные ирокезские воины скорее всего уже выступили в разведку, что бы понять, что произошло на озере. Науэль быстро перепрыгнул в свою лодку, схватил вёсла и стал грести со всех сил, направляясь вперёд, так как огибать остров не было смысла из-за присутствующих там мингов, а поворачивать назад тоже было не резонно, лагеря ирокезов были с обеих сторон. Он работал вёслами очень быстро, и через минут 10 уже был недостижим для ирокезов, тогда он немного сбавил ход и услышал отголоски страшного рёва, который ясно говорил — минги нашли своих братьев. Но то что на одном из двух черепов не оказалось скальпа выразилось в ещё больше душераздирающем вопле. Науэль знал, что его уже не догонят, и сегодняшняя ночь, точнее её окончание, уже не сулит ему беды. Несколько дней ещё он плыл через озеро, днём любуясь сол-

нечными переливами на лазурной глади воды, а ночью, становясь таким же угрюмым, как водное зеркало, позволял себе окунуться в глубины своей души, такой же глубокой, как воды Великих озёр. Через ещё несколько дней он наконец достиг западных берегов Гурона, где могикане и французы готовились к наступлению на ирокезов, они во всю вели приготовления, раздавали индейцам оружие. В этой части береговой линии озера главным был отряд генерала-полковника Жорж-Луи де Шароля, который состоял из двух рот, одной из которых командовал молодой капитан Андре Арно. И так как назревал нешуточный конфликт, французы отправили действительно настоящих военных, имеющих опыт и в более масштабных сражениях и по более весомым мотивам. Метрах в 200 от входа в лагерь, который больше напоминал небольшой форт, Науэля остановил французский солдат. — Стой! Откуда ты прибыл и с какими намерениями движешься в сторону лагеря французской армии? Науэль знал французский язык, так как во время его странствий он не раз забредал в учёные деревни, где европейцы учили детей и взрослых языку и даже письму и чтению, он также, из-за большого в последнее время наплыва европейцев, часто встречал их на своём пути и слышал много речей из уст бледнолицых. — Я пришёл, что бы помочь, - подняв руки, выражая тем самым, что он не опасен, отрывисто произнёс Науэль. — Ладно, отведу тебя к генералу Шаролю. Француз взял Науэля за руки, и грозя ему оружием, повёл в центр лаге-

ря. Проходя, Науэль заметил, как многие могикане смотрели на него с подозрением. Миновав невысокую навесную палатку, в которой столпились и белые и индейцы, что-то обсуждая, гурон и француз добрались до палатки генерала. — Генерал Шароль! Месьё, этот индеец был схвачен мной перед входом в лагерь. Он сказал, что пришёл помочь нам. Генерал, обсуждая с могиканином, которому он по-видимому охотно доверял, пути отхода в случае неудачи, отвёл взгляд от карты и посмотрел на индейца. Взгляд у него был весьма заинтересованный, и он не чуть не выдавал никаких опасений в отношении незнакомца. — Откуда вы прибыли, юноша? — Я пришёл с Великих озёр, что бы в момент, когда кровь макуаса прольётся на земли принадлежавшие мне и моему племени, воткнуть томагавк в спину вождю ирокезов, — выразил Науэль, довольно сносно говоря по-французски, и вытащив завернутый томагавк ирокеза, швырнул его на стол, где лежала карта. Генерал осторожно развернул свёрток, и могикане, присутствовавшие там, издали монотонное, но удивлённое «Ууух». — Томагавк минга! Собака, ты можешь обмануть белого, но ты не можешь обмануть могиканина. Это томагавк минга. Тебя послали ирокезы, но вы слишком глупы, думая, что обманите могикан, переодев тебя, но вы забыли спрятать нутро воина — его оружие! — эти слова, произнесённые ленапом, заставили всех присутствующих там могикан разразиться презрительными и насмешливыми возгласами. — Да, это томагавк минга. Но честный и храбрый гурон вы-

ташил его из спины матери, когда его деревня полыхала в огне. Белые люди сильны, у них есть оружие, они способны одолеть макуасов. Я не слишком уважаю могикан, но ирокезов я презираю больше. Острое лезвие должно отплатить своему хозяину за его выбор, а мой кинжал – снять скальп с головы вождя Аскуна, – произнес Науэль на делаварском наречии, что могикане не могли не понять. -Аскун? Он сжёг твою деревню? -всё на том же языке продолжали свою беседу индейцы. – Да. Он убил, отца, мать, брата, сестру Ягуара, а ему удалось выжить. Ягуар остался один, и долго жаждал крови минга. И поэтому я пришёл к бледнолицым, чтобы быть в центре, и издать победный клич, и вернуть честь своему народу, что бы они смогли вернуться на безжалостно отобранные у них земли, принадлежащие им по праву крови. Могиканин перевёл французу всё, о чём он говорил с гуроном, и вынес вердикт. -Что ж гурон, ты держишь достойный путь, и по сему, наш бледнолицый друг, генерал Шароль, разрешает тебе остаться и биться против ирокезов бок о бок с могиканами. По сердцу Науэля пробежала лёгкая волна удовлетворения. За последние несколько минут он выразил столько эмоций, и пережил столько боли от воспоминаний, не смотря на то что до сих пор он не давал волю своему сердцу так открыто. Тяжесть от ноши, которую он возложил на себя за эти десять лет, казалось приобретает новую окраску, и она уже не гнёт спину, а воодушевляет идти всё дальше и дальше. В этот момент Ягуар почувствовал сладкое

приближение долгожданной мести. Когда он вышел из палатки, кокой-то молодой могиканин предложил ему устроиться в одной из хижин, которые занимали индейцы. Наступил вечер, и индейцы, отделившись от белых, развели костёр и расселись вокруг него, обсуждая планы бледнолицых. Тут могиканин, повернувшись к гурону, спросил- Тебя зовут Ягуар? — Да. Ирокезам я известен как Энкудэбэу. Я не раз встречал их на пути сюда. -Ты храбрый воин, расскажи свою историю своим братьям по оружию. Науэль начал рассказывать о своих путешествиях, о стычках с мингами, против которых он воевал с разными племенами, об опасностях, что встречались ему на пути к французам. Он охотно отвечал на вопросы, делился своими приобретёнными в ходе своей странствующей жизни знаниями. Пришла ночь, и в скором времени весь лагерь погрузился в сон, предвкушая приближающийся победный бой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.